

АКТЫ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

УДК 930.2 ББК 63.2 DOI 10.25986/IRI.2020.16.43.014

Е. А. Конявская

ИРИ РАН, Москва, Россия, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия ekonjavskaya@gmail.com

ДАННЫЕ О РУССКИХ КНЯГИНЯХ В КНЯЖЕСКИХ ЗАВЕЩАНИЯХ И ДОГОВОРНЫХ ГРАМОТАХ XIV – НАЧАЛА XVI в.¹

Рассматривая роль русских княгинь в системе властных структур, автор статьи обращается к договорным грамотам и завещаниям русских князей и княгинь XIV – начала XVI в. Анализ этих источников дает возможность получить значимый материал по статусу, владениям и властным прерогативам русских княгинь.

Ключевые слова: завещания, договорные грамоты, русские княгини, владения

При изучении роли русских княгинь в системе властных структур, необходимо использовать материал летописей. Но, как правило, их информация оказывается крайне скупой и односторонней: летописи сообщают о происхождении княгинь, рождении у них детей, оплакивании ими скончавшихся мужей, принятии монашества и преставлении [Конявская, с. 47–61]. Реже, если княгиня не уходит в монастырь, можно встретить информацию о том, что вдова принимает участие во внутрисемейных княжеских делах, в политической и церковной жизни. Данные же о владениях княгинь, их роли во взаимоотношениях внутри княжеского дома, их властных прерогативах в завещаниях и договорах русских князей оказываются более значимыми.

Больше такого материала в завещаниях. Из них можно узнать, что княгини получали от своих мужей после смерти последних села в станах и волости за пределами станов. Последние, в частности, упоминаются в договоре Дмитрия Донского с Владимиром Андреевичем Серпуховским 1364–1365 г. как волости «за княгинию Ульяною» (вдова Ивана Калиты), а затем во второй духовной грамоте Дмитрия. Однако статус владений мог быть разным. В первой половине XIV в. завещанные территории имели статус пожизненного владения, а затем переходили в ведение их сыновей или других лиц². Например, Заячковом, Заберегой, говорится в духовных Ивана Ивановича, владеет великая княгиня Мария Александровна, но после ее смерти эти места достанутся его супруге. В целом, владения, переданные Симеоном Гордым супруге Марии Александровне, к моменту написания этих завещаний частично были

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект № 19-18-00247 «Двор русских княгинь в системе властных структур Древней Руси и Западной Европы в период Средневековья и раннего Нового времени (XI–XVI в.)».

² Какие-то территории могли выделяться княгине супругом пожизненно и ранее [Кучкин, 2004, с. 263].

уже у нее отняты [Кучкин, 2004, с. 254–255], а другие (как в приведенном примере), согласно второй духовной Ивана Ивановича, «по ее животе» переходят его жене и сыновьям³.

Из второй духовной Ивана Ивановича можно узнать о том, что и волостями великой княгини Ульяны после ее кончины будут распоряжаться сыновья Ивана Ивановича, которым, в свою очередь, он завещает передать ряд территорий дочери вдовы его отца⁴: «А что волости за княгиню за Оульяною, ис тых волостии по ее жи|вотѣ дѣти мои дадутъ дч(е)ри ее Сурожикъ, сел(о) Лучиньское»⁵.

Княгини также могли совершать самостоятельные «купли». Такие приобретения уже были в полном их распоряжении, и княгини могли завещать их по своему усмотрению. «Купли» княгинь фигурируют в договорах и завещаниях русских князей с достаточно раннего времени. Так, в договоре Михаила Ярославича 1318 г. с Юрием Даниловичем и Новгородом упоминаются села в Вологде и Бежецком уезде, которые «покупила» княгиня Василиса, вдова Андрея Александровича. Правда, земли эти по заключаемому договору должны были быть возвращены «Святой Софии» с некоей компенсацией кунами. В следующей статье идет речь уже о княгине самого Михаила Ярославича («также и дѣтемъ его, и княгнни его») – о такого же рода возвращении земель во владение Новгорода, «зная своих истцов»⁶. Есть более позднее упоминание, но о более раннем прецеденте. Во втором завещании Ивана Калиты говорится о селе Павловском: «бабы наше купла»⁷. Речь идет о жене Александра Невского. Если в XIV в. княгини покупали села, то в XV столетии среди их «куплей» фигурируют и волости.

Но уже в завещании Дмитрия Донского 1389 г. по воле князя супруга будет «вольна» не только в собственных «куплях», но и в тех «примыслах» великого князя, которыми он ее «благославляет»: «с(ы)ну ли которому да|сть, по д(у)ши ли дасть. А дѣти мои в то не вѣступаютъс(а)»⁸. В завещании Владимира Андреевича Серпуховского также перечисляется целый ряд завещаемых княгине сел, о которых князь заявляет отдельно: «Тѣ села княгини моеи шприснь дѣлу, в тѣх селех княгини моя волна, которому с(ы)ну дасть, тому то и есть, а дѣти | мои в тѣ села не вѣступаютс(а)» (РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. I. № 12). Подобные «опричные» территории выделяет своей супруге и Василий Дмитриевич, особо оговаривая, что в них она «вольна». В частности, таковыми названы сельцо Семчинское и волость Гжели. Этот статус Семчинского и Гжели подчеркивает и сама Софья, когда завещает их внуку Юрию: «чимъ ма пожаловаль и бл(аго)с(ло)вилъ мои госпшдарь, великнн кн(а)зь Василеи Дмитриевич, и по|ложил на мшеи ввли»⁹.

Владения (а не только драгоценные вещи) выделяли в завещаниях князя не только женам, но и дочерям. Так, по первому варианту завещания Михаила Вереяского его дочери Анастасии предназначались весьма обширные территории, при этом князь оставлял на волю

³ Симеон Гордый умер в 1353 г. от легочной чумы, эпидемия которой могла унести и его сыновей. Однако прямых данных об их смерти нет. Князь составил завещание в пользу супруги Марии Александровны в расчете на ее покровительство малолетнему сыну/сыновьям. Однако великокняжеский стол перешел к его брату Ивану Ивановичу (Красному), который отобрал у великой княгини значительную часть завещанных ей владений и материальных поступлений от пошлин [Кучкин, 1988].

⁴ Как показано В. А. Кучкиным, речь шла о сводной сестре Ивана Красного Феодосии, которая была замужем за белозерским князем Федором Романовичем [Кучкин, 2004, с. 272].

⁵ Кучкин В. А. Издание завещаний московских князей XIV в. Вторая душевная грамота великого князя Ивана Ивановича // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 1 (35). С. 99.

⁶ Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV в.: Внешнеполитические договоры. М., 2003. С. 336.

⁷ Кучкин В. А. Издание завещаний московских князей XIV в. [1339 г.] Вторая душевная грамота великого князя Ивана Даниловича Калиты // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 2 (32). С. 131.

⁸ Кучкин В. А. Издание завещаний московских князей XIV в. Вторая душевная грамота великого князя Дмитрия Ивановича // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 3 (37). С. 134.

⁹ Конявская Е. А. Завещание великой княгини Софьи Витовтовны // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 1(79). С. 170.

Ивана III их обмен на равнозначные: «А дал есми дочери своей, кн(а)г(и)не Анастасьѣ, | въ Ирославском ѡзде свои два села, Сѡфонасьевское селцо в Локнѣ з деревнѣми да Костинское селцо з деревнѣми и со всѣм с тѣм, что к тѣм селцом и к деревнѣм истарины потагло, как было за мною. А бѣдѣт тѣ селца надобны | моему г(осподи)нѣ, великому кн(а)зю, и г(осподи)нѣ мои кнѣз(ь) велики, дастъ моеи дочери, кн(а)г(и)не Настасьѣ, в тѣх земел(ь) мѣсто сво|и земли» (РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. I. № 28). Иван Васильевич, тем не менее, этот пункт завещания отклонил, и в правленном великим князем варианте Анастасии¹⁰ не оставлены владения – они переходили к Ивану III, который в качестве компенсации выплачивал ей 300 рублей, что может быть соотнесено с ценой двух сел.

Из городских владений князей в XIV в. княгини по завещанию мужей получали часть пошлин (осмьничего, тамги и др.). Однако впоследствии, в XV в., таких упоминаний нет: владения княгинь росли, а прямые выплаты сокращались.

На княгинь возлагались обязанности в различных ситуациях после смерти князя. В полной мере и в особой формулировке это было зафиксировано во втором завещании Дмитрия Донского. Великая княгиня Евдокия представлялась гарантом исполнения завещания: «Приказываю дѣти свои сво|ей княгинѣ», – такая фраза будет повторяться в завещаниях Владимира Андреевича Серпуховского и потомков Дмитрия – Василия Дмитриевича и Василия Васильевича. Это не остается лишь общим трафаретным заявлением. Дмитрий Донской поручает своей жене Евдокии раздел выморочных владений своих детей. Она вправе и обязана наделить уделом сына, если он родится после кончины Дмитрия, перераспределить уделы, если кто-то из сыновей утратит владение, распределить прежний удел князя, который вступает в права главы княжеского дома. В завещании неоднократно подчеркивается, что слово матери не оспаривается сыновьями. Как это было реализовано на практике? Оказывается, что предписания завещаний не всегда точно исполнялись. Так, Дмитрий Донской дает указание супруге наделить сына, который может родиться уже после написания завещания, уделом, «возма по части оу болшиѣ его братьи»¹¹. Младший сын Дмитрия Константин родился после составления завещания за 4 дня до смерти отца. Из первого завещания Василия Дмитриевича ясно, что Константину были выделены Тошна и Устюжна, но выделены они были из владений великого князя, владения других братьев не были затронуты¹².

Завещания тверских князей до нас не дошли, но частично духовная Михаила Александровича, великого князя Тверского, пересказывается в Повести о преставлении Михаила Новгородской IV летописи. Из этого пересказа понятно, что по завещанию Михаила Александровича старший сын Иван получал больше, чем другие. В завещании Михаил Александрович устанавливает в своем потомстве порядок наследования от отца к сыну, видя в нем залог прекращения острого соперничества между дядями и племянниками. В завещании предписывалось «брату брата чтити и любити, а старейшего брата всѣмъ слушати»¹³. Статьи, касающиеся княгини, летописец не передал, но последующие события свидетельствуют о том, что в завещании содержались нормы, подобные тем, что обнаруживаются во второй духовной Дмитрия Донского. Вскоре после смерти отца Иван Михайлович, новый великий князь тверской, «захотѣша свою братию обидети и повелѣша бояром своим цѣлование сложити къ своей братии ко князю Василию и ко князю Феодору Михайловичем, и ко князю Ивану Борисовичу». Те обратились с жалобой к великой княгине тверской Евдокии. Княгиня посылает к Ивану бояр – своих и обратившихся к

¹⁰ Анастасия была к этому времени замужем. Ее муж – Осип Андреевич Дорогобужский – верно служил Ивану III.

¹¹ Кучкин В. А. Издание завещаний московских князей XIV в. Вторая душевная грамота великого князя Дмитрия Ивановича. С. 135.

¹² Более поздние завещания Василия Дмитриевича и договор Василия Васильевича с Дмитрием Шемякой и Дмитрием Красным показывают, что состав владений Константина неоднократно изменялся.

¹³ ПСРА. Пг., 1925. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 387–388.

ней князей, апеллируя именно к «грамоте» Михаила Александровича. Княгиня утверждала, что поведение бояр великого князя неправомерно. Положения грамоты Иван противопоставил свое требование, сказав, что его бояре (по-видимому, те из них, кто проживал на территории удельных князей) сложили к братьям крестное целование по его слову, и начал на своих родственников «враждовати... и нелюбие дръжати»¹⁴.

Рассмотренный сюжет показывает, что великие княгини имели у себя на службе бояр. Но есть свидетельства и гораздо более ранние. Обращает на себя внимание фраза из завещания Симеона Гордого: «А хто моихъ бояръ иметь служити оу моее княгини, а волости имуть вѣдати, дають княгинѣ моеи прибытка половину»¹⁵. Как можно видеть, речь идет о боярах великого князя, которые будут служить в дальнейшем в переданных ей волостях. Из этой статьи можно узнать, на каких условиях служили княгиням бояре. Сходные тексты (хотя и без упоминания материальных условий) относительно бояр княгини читаются во втором завещании Дмитрия Донского: «А хто моихъ бояръ иметъ служити | моеи княгине, техъ бояръ, дети мои, блюдите с одного»¹⁶. Неоднократно упоминаются они и в завещании Владимира Андреевича Серпуховского. Характерно, что здесь декларируется и право княгини суда на своих территориях, в том числе она может судить бояр: «А судитъ княгини моя оудѣль свои и тѣ села, и бояре свои сама» (РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. I. № 12). О боярах княгини-вдовы Михаила Александровича Тверского Евдокии говорилось выше. В тверских летописях упоминается боярин и другой тверской княгини – вдовы сына Михаила, Бориса Михайловича (называется его прозвище – Воронец)¹⁷.

Определенно говорит о своих боярах, а также о детях боярских и слугах в своем завещании 1451 г. Софья Витовтовна: «А что которыи мои | бояре, и дѣти боярскіи, и слуги мои, котырыи служили мнѣ, великой княгинѣ, и тѣхъ всѣхъ г(о)с(поди)нѣ мои, с(ы)нѣ мои, великии | [кнзъ Ва]силеи Васил(ь)евич, жалует и блюдет, как и своих»¹⁸. Это закономерно, поскольку владения ее были уже обширны и необходимость боярского управления ими очевидна. Разумеется, во владениях, которые даны княгине «до живота», могли действовать бояре ее супруга, но Софья упоминает в завещании большое количество своих «куплей», которые находятся в полном ее распоряжении, могут быть проданы, обменены, завещаны.

Летописные данные свидетельствуют о боярах в распоряжении Софьи и в гораздо более раннее время. Так, из летописей известно, что в 1398/1399 г. Софья Витовтовна с детьми «и с бояры многими» ездила к Витовту в Смоленск и вернулась от отца с щедрыми дарами, получив «многы иконы, обложенныя златом и серебром, еще же часть Святыхъ страстей Спасовых, иже давно принесены были в Смоленскъ от Царягорода»¹⁹. Дети Софьи – Юрий и Иван – были в то время малолетними и не могли иметь в своем распоряжении «многих бояр». Можно думать, что в составе боярского сопровождения Софьи могли быть наряду с боярами великого князя и ее бояре.

На своих территориях княгини имели волостелей, которые ими управляли. Во второй духовной Дмитрия Донского указывается: «А по котораа мѣста слободскіѣ волостели судили тѣ слободы при мнѣ, и княгини моее волостели судатъ по та же мѣста, какъ было при мнѣ»²⁰; «ис тѣхъ | волостии, и слобод, и сел, что есмь вымалъ оу дѣтии своихъ изъ оудѣловъ, а пода|валь

¹⁴ ПСРА. Пг., 1922. Т. 15. Вып. 1. Стб. 176.

¹⁵ Кучкин В. А. Издание завещаний московских князей XIV в. [1353 г., апреля 24–25] Душевная грамота великого князя Семена Ивановича // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 3 (33). С. 124.

¹⁶ Кучкин В. А. Издание завещаний московских князей XIV в. Вторая душевная грамота великого князя Дмитрия Ивановича. С. 136.

¹⁷ ПСРА. Т. 15. Вып. 1. Стб. 177.

¹⁸ Конявская Е. А. Завещание великой княгини Софьи Витовтовны. С. 172.

¹⁹ ПСРА. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 226.

²⁰ Кучкин В. А. Издание завещаний московских князей XIV в. Вторая душевная грамота великого князя Дмитрия Ивановича. С. 134.

княгинѣ своей, а кому будет жалоба сиротамъ на волостели, и тѣмъ | людем оучинит исправу княгини мою, а дѣти мои в то не вѣступаютъс(а)»²¹. Здесь упоминаются сироты – крестьяне. В завещании Софьи Витовтовны говорится о серебряниках и страдниках (последних она отпускает на свободу). Василий Дмитриевич в первом завещании закрепляет за женой данных ранее ей холопов: «А княгинѣ мои тѣ люди, што е|смѣ еи подавал при своемъ животь, и грамоты полные тѣх | людеи оу нее» (РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. I. № 9). В последнем же его завещании в такого же рода статье добавляется, что будущая вдова обязывается передать своим дочерям из холопов князя каждой по пяти семей (остальные должны быть отпущены на свободу), а прежде говорится: «А ис Перьѣслава княгинѣ мои Юлка так же со всѣ|ми людами, которого пути в неи люди ни будут» (РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. I. № 15). Борис Волоцкий передает супруге холопов, среди которых повар, сокольник, посельский и три хлебника (РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. I. № 24)²².

Таким образом, информация древнерусских актов – в первую очередь, завещаний русских князей (и княгинь) – дает значимый материал по статусу, владениям и властным прерогативам русских княгинь в XIV – начале XVI в.

Литература

- Колявская Е. Л. Очерки по истории тверской литературы XIV–XV в. М., 2007. 400 с.
Кучкин В. А. «Свой дядя» завещания Симеона Гордого // История СССР. 1988. № 4. С. 149–158.
Кучкин В. А. Духовные грамоты московского великого князя Ивана Ивановича Красного // Средневековая Русь. М., 2004. Вып. 5. С. 191–280.

References

- Konyavskaya, E. L. Ocherki po istorii tverskoi literatury XIV–XV v. [Essays on the History of Tver Literature of the 14th – 15th Centuries]. Moscow, 2007. 400 pp.
Kuchkin, V. A. “Svoi dyadya” zaveshchaniya Simeona Gordogo [“Svoi Dyadya” of the Simeon the Proud’s Will]. In *Istoriya SSSR*. 1988. No. 4. Pp. 149–158.
Kuchkin, V. A. Dukhovnye gramoty moskovskogo velikogo knyazya Ivana Ivanovicha Krasnogo [The Wills of the Moscow Grand Duke Ivan Ivanovich Krasny]. In *Srednevekovaya Rus’*. Moscow, 2004. Issue 5. Pp. 191–280.

Elena L. Konyavskaya

*Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia*

DATA ABOUT RUSSIAN PRINCESSES IN TESTAMENTS AND TREATIES OF THE 14th – BEGINNING OF THE 16th CENTURY

Considering the role of Russian princesses in the system of power structures, the author of the article refers to treaties and testaments of Russian princes and princesses of the 14th – beginning of the 16th century. An analysis of these sources makes it possible to obtain significant material on the status, possessions and power prerogatives of Russian princesses.

Keywords: testaments, treaties, Russian princesses, possessions

²¹ Там же. С. 135.

²² Большой список «людей» с женами и детьми завещает супруге Иван Юрьевич Патрикеев. Среди них повара, конюхи, серебряных дел мастера, портные, плотники и др. (РГАДА. Ф. 135. Отд. II. Рубр. I. № 31).

